

Необыкновенная история

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

История метаный молодого, восторженного провинциала Александра Адуева (Павел Сыромятников) действительно стара как мир. Он и его умудренный почти двадцатилетним опытом в светском обществе дядя (Вадим Крисюн) — две стороны одной и той же медали, две половины одного лица, на котором время расставило свои безжалостные

акценты. История их противостояния, закончившаяся (в варианте режиссера постановщика Бориса Голубицкого) обманом жизненных позиций, повторяется из века в век, а потому требует особого мастерства сценического воплощения, чтобы зритель, сидя в зале, смог не только усмехнуться, узнав в ком-то из героев себя, но и заново увидеть, заново прожить "любви" и разочарования всех действующих лиц.

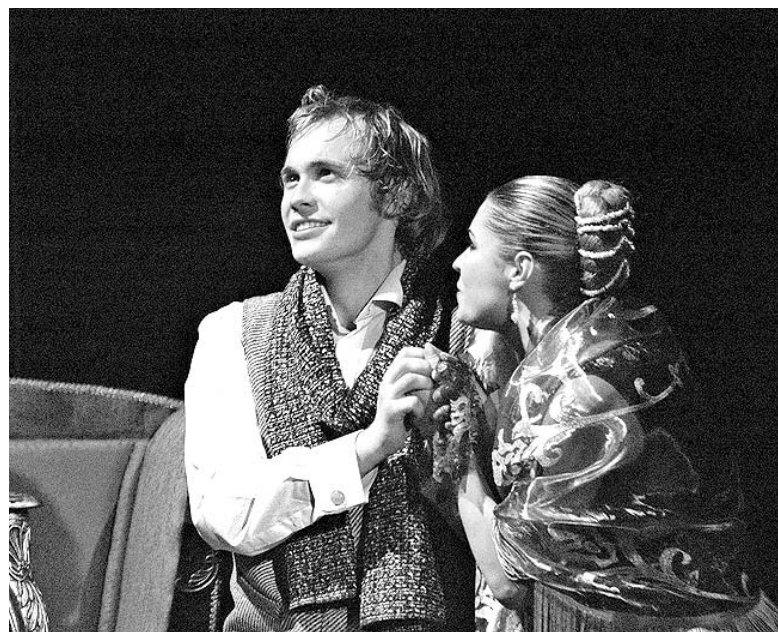
Александр-Сыромятников — юный, почти ангелоподобный паренек: в волнении машет руками, лезет к дяде целоваться невзирая на неизменно отстраняющую его трость, явно злоупотребляет новомодными философскими понятиями — одним словом, "беснуется", по выражению Адуева-старшего.

Его возлюбленная Наденька Любецкая (Екатерина Гусарова) — под стать его собственному душевному облику в это время: этакая немного взбалмошная попрыгунья, искренне ждущая чего-то удивительно большого и хорошего. Их недолгая любовь — чистая музыка: сперва закручивается серебряной нитью аккордеона, потом (словно в музыкальной шкатулке разладилась какая-то пружина) теряет темп, умирает, становится фальшивой, глухой. Великолепно поставлена сцена спора дяди и племян-

ника о целях женитьбы: это настоящий поединок в присутствии обеих невест, Нади и Лизы, и маменьки Любецкой, феерически исполненной Еленой Полянской. И над всем этим — холодный туманный Петербург (сценография Бориса Голубицкого), "железная мать" того нового, что доведется испытать Александру. Прозрачно-серебристый, глубоко-синий, с зажженными фонарями и поблескивающим мостом дугой, он освещает радужными сполохами в минуты душевного напряже-

ния героев и снова погружает в свой таинственный сумрак.

И кто же стал причиной расставания — лохотонный граф (Михаил Лысанов), поразивший воображение Наденьки светскими манерами и блеском! Своим жокейским хлыстиком он будто дирижирует оркестром, исполняющим стремительный галоп, и под эту новую музыку, как марионетки, вертятся вокруг него обе Любецкие. В "Обыкновенной истории" вообще очень много расставаний: и прощание Александра с матерью (заслуженная артистка России Татьяна Симоненко) — трогательной провинциальной дамой, неспешно живущей в мире предрассудков и нежной любви к единственному сыну; и его расставание с Юлией Тафяевой (Светлана Мартюшева). Как странно: раньше он сам не мог удержаться слез при мысли о ветреной Наденьке, а теперь без следа какою-либо чувства смотрит, как терзается сердце любящей его женщины (ее страдание словно заливает всю сцену потоками кроваво-красного света). Все они уйдут из жизни изменившегося Александра, но останут-

словно больная или сумасшедшая, над столом мужа, посвятив себя экономическим расчетам, увянет, охладит...

Но тете Александра все же дана надежда на то, что хотя бы одного из мужчин можно спасти. Вадим Крисюн играет Петра Ивановича Адуева не таким, каким он вышел из-под пера Гончарова. Его сдержанность, его неприятие открытого проявления чувств, его "умствования" — не от холодного сердца, а от искреннего желания помочь племяннику поскорее освоиться в этом новом для него мире, от желания уберечь его от самых тяжелых ударов. Поэтому так разнятся финалы романа и спектакля: дядя вовсе не любит успеха племянника, а скорее уводит прочь свою страдавшуюся жену — от бешеного танца героев, от безжалостно-довольного смеха Александра, от холодной жестокости детей нового века.

"Любовь и разочарования молодого человека" — история необыкновенная. История о том, как на сцене орловского театра появилось еще одно маленькое чудо.

Юлия АСТРАХАН.
Фото Сергея ЧУПАХИНА.

Что русскому хорошо, то...

Если вы офицер службы безопасности и вам нужно вывести на чистую воду уже выявленного, но пока не пойманного за руку иностранного шпиона, а дело не терпит промедления — есть замечательный способ решить проблему быстро и наверняка. Если вы менеджер солидной фирмы и у вас горит контракт с одной очень нужной иностранной компанией, представитель которой никак не реагирует на все ваши, даже самые выгодные, предложения, и вы уже перепробовали всё что можно, не отчаивайтесь — есть, есть ещё возможность угодить вашему начальнику. Если вы представитель туристического агентства, которое специализируется на иностранцах, приезжающих в Россию за экстримом, и вам попался такой из них, что уже знаком с водкой, самогоном, мефедрами, морозами и матрёшками, не расстраивайтесь раньше времени — имеется способ довести привередливого иноземца до панического экстаза.

И, наконец, если вы специалист-филолог и хотите обогатить свой словарный запас идиоматическими выражениями изучаемого вами языка — не надо погружаться в дебри словарей и справочников: существует гораздо более быстрый и эффективный метод.

Итак, господа, вы — все четверо — договариваетесь о встрече, на которую под удобным предлогом приглашаете подозреваемого в шпионаже, иностранного торгового агента и любителя острых ощущений.

Местом встречи явится автовокзал города Орла, где вас будет ждать потрёпанный жёлтый микроавтобус «ГАЗель» с надписью на лобовом стекле «Лётчик».

Вы, господин офицер, протиснитесь со своим напарником в салон первым и ласково-настойчиво усадите подозреваемого на сиденье над левым задним колесом, чтобы его ноги с самого начала почувствовали полный «комфорт».

Вы, господин менеджер, своего коллегу оставьте внепряди, но так, чтобы он сидел спиной по ходу движения и видел всё, что будет происходить в салоне, но не мог следить за дорогой.

Вы, господин из турагентства, иностранца-экстремала устройте на одиночке кресло у двери автобуса, предупредив, что ему придётся за этой дверью внимательно наблюдать в пути, потому что она имеет особенность время от времени открываться (если скорость превысит 100 километров в час), и тогда дверь необходимо немедленно захлопнуть.

Вам же, господин филолог, можно выбрать любое место, но так, чтобы хорошо видеть и слышать происходящее внутри салона. Будьте готовы через 20 минут после отправления воспользоваться диктофоном.

«ГАЗель» в 6.10 отправится по маршруту Орёл — Долгое.

Убеждён, что уже на 10-м километре от Орла (предположительно в районе Куликовки), где шоссе напоминает стиральную доску (гости почувствуют это своими животами), филолог услышит и запишет первые, наверняка крепкие выражения и обратится: таких он ещё не знал и даже не читал о них.

А когда здесь же и чуть позже, якобы по причине необходимости, водитель на большой скорости, оправдывая надписью на лобовом стекле, вдруг пару раз резко тормозит, и турист-экстремал, успев схватиться за дверь, всё же слетит со своего кресла и ткнётся коленями и лбом в перегородку,

отделяющую салон от шофёра, то это произведет сильное впечатление не только на него самого, но и на торгового агента.

Дверь, правда, не откроется, несмотря на все попытки туриста высочиться из салона сразу после второго торможения. Водитель же, не дожидаясь, пока экстремал посадит нижнюю часть своего туловища в другое кресло, рванёт с места с максимальной скоростью. В общем, уже при подъезде к Змиёвке, через 20 минут и 40 километров, у иностранного туриста появится в глазах настоящий ужас, и если он не начнёт кричать, то только по причине полной потери дара речи. Он, как и было ясно с самого начала, окажется самым слабым звеном из трёх заявленных.

Торгового агента как человека, привыкшего сдерживать эмоции, хватит на несколько большее время и расстояние. Но на промежутке от Змиёвки до Малоархангельска он будет материться почти непрерывно, причём со скоростью, которая не позволит разобрать слова, и хорошо, если филолог успеет заранее включить свой аппарат.

Вы же, господин менеджер, почувствовав удобный момент, потихоньку достаньте из кейса заранее подготовленный контракт — и через 40 минут пути, когда «фирмач» совсем обессилит от крика и начнёт уже всхлипать, вложите вашу руку в его руку: он подпишет всё что надо — не сомневайтесь.

После этого водитель может открыть дверь и выпустить менеджера и турагента (вместе с их визами) — иначе через пару километров салон автобуса будет безнадёжно испорчен.

Вы, господин офицер, в это время держите подозреваемого в шпионаже, который, пользуясь останковой, попытается сбежать, но вы-то, надеюсь, своё дело знаете?

На сиденье над задним колесом, трясётся и подпрыгивая, вначале шепотом, а потом громко — по-русски, английски и ещё на каких-то неизвестных языках — ругаясь, шпион, как самый подготовленный, сможет продержаться почти до Долгого.

Но именно почти... На 120-м километре пути в состоянии, близком к обмороку и рвоте (вы, господин офицер, заранее приготовьте целлофановый пакет), подозреваемый перестанет сопротивляться: «Я скажу, я всё скажу! Признаюсь: я — иностранный шпион, только оставьте этот проклятый автобус!»

Да, лишь мы, русские, способны регулярно (порой каждый день и в страшной давке) ездить на таких транспортных средствах, как «ГАЗель».

В общем, что русским по плечу, то иностранцам — смерть, не так ли, господин филолог? Ведь вы-то не только благополучно возвратились обратно на этом автобусе, заметно пополнив свой запас иностранных выражений, но ещё успели с аппетитом съесть десяток бутербродов и проглотить очередной номер «Орловской правды» вот с этим произведением.

Александр ПОЛЫНКИН.
п. Покровское.

(Продолжение. Начало в №167).

Изда судя меня не вернули в Орловский централ, привезли в городскую тюрьму и водворили в сравнительно большую камеру в подвале. Она разделялась высокой чугунной решеткой на две части: в первой стояла параша, во второй — три железные кровати с тощими соломенными тюфяками и замызганными одеялами. Тут же стол с двумя скамейками. Вся мебель зацементирована в пол. Навверху, на уровне земли,

90 ЛЕТ «ОРЛОВСКОЙ ПРАВДЕ»

НА ГРАНИ СМЕРТИ

Василий БУНЯЕВ

узкое оконце с толстой металлической решеткой. Войдя, я увидел в сумраке серую фигуру, сидевшую на постели. Две койки были свободны.

«Располагайтесь, — сказал человек, сидевший на кровати. — Моя фамилия Капалыгин. Осужден за шпионаж в пользу Америки. В смертной камере уже десять дней».

Когда я немного успокоился после суда, Капалыгин рассказал, что по религиозным убеждениям он баптист. В 20-е годы работал в Центральном совете этой организации. Потом высланы из Москвы в Орел. «Сюда мне братья-баптисты присылали из Соединенных Штатов посылки. Следователь был уверен, что отправляли их за шпионские сведения, и обработал меня. Били беспощадно. Пытали. Заставили подписать доносы на жену и сына. Их также арестовали, а меня приговорили к расстрелу. Выхода у меня не было. Мне уже семьдесят лет, здоровье расшатано. Подписал все, но Бог простит мне физическую слабость. Молитвами искуплю свою вину».

Принесли ужин — бачок с грязной мутной баландой, налили ее в глиняные миски. Капалыгин присел к столу и жадно ел. Мне есть не хотелось, и я предложил ему свою порцию. Он торопливо придвинул к себе вторую миску и поблагодарил.

«Христос не отвернулся от меня и снова проявил свою милость, утолив мой голод», — проговорил он, закончив есть. «При чем здесь Христос? — удивился я. — Вы же съели мой ужин. А я атеист, безбожник...» — «В душе каждого человека пребывает Христос».

Ночью Капалыгин почти непрерывно шептал: «Господи, спаси меня от гибели, пощади от расстрела». Чувство страха передалося и мне. Представлялось, как врываются в камеру дюжие молодчики, выводят в коридор... Ночь прошла медленно, баптист продолжал бормотать свои просьбы и молитвы, заснуть я не мог. Вставали перед глазами суд, Лев, жена, опять казалось, что сейчас придут за мной...

Утром принесли завтрак. Поев, я лег спать и спал до обеда. Проснувшись, шагнул по камере, курил одну за другой папиросы. С Капалыгиным разговорить не хотелось. Перед ужином в камеру ввели нового жильца, если так можно назвать обитателя камеры смертников. Меня поразило выражение его лица: никакими следами растерянности, уныния, страха. Наоборот, уверенные жесты,

ровная походка, властно сжатые губы.

Войдя, он присел к столу, вынул кيسет с табаком, предложил закурить и нам. Это было очень кстати, у меня кончились папиросы. «А теперь познанимся, — заговорил он. — Моя фамилия Элефант, и инженер-судостроитель. До Октября работал на американских судостроениях. Объявлял полицию. По обвинениям — неонархист. Перед арестом работал на Николаевском судостроительном заводе. Арестовали в Орле во время ко-

ни в чем не виноват и прошу, если возможно, передать Сталину, что умираю невиновным».

Прокурор молчал. Капалыгин, подбежав к решетке, тихо произнес: «Дайте мне бумагу и карандаш!» — и написал просьбу. У нас с Элефантом кончался табак. Курили мы с ним непрерывно. В тюремном ларьке его можно было купить, но мои деньги все не переводили из Орловского централа. Элефант предложил объявить голодовку, чтобы

дело, отняв у племянника его прежние, пусть наивные, убеждения, он не сумел, как ни старался, ничего дать ему взамен. Поймет, что она никогда уже не сможет пробыть сквозь броню неверия и холодной бытовой логики. И она станет иной: будет раскачиваться,

Начиналась цепная реакция. Отчаяние и безысходность сильнее сжимали и мое сердце. В такой атмосфере я провёл 25 дней.

Начало 10 мая к нам в камеру вошел надзиратель и, открыв дверь у решетчатой перегородке, тихо сказал: «Гражданин Буняев, выходите».

«Вот и конец всему! Пустяк пулю в затылок, и все страдания закончатся. И все же страшно!» Несколько мгновений я ничего не чувствовал и ни о чем не думал. Медленно приходил в себя. Вспомнил слова Элефанта: «Будь человеком». Приподнялся с постели, походкой лунатика подошел к Капалыгину. Пожал ему руку. Посмотрел в его от ужаса расширенные глаза и в дрожание губы. Быстро вышел в коридор. За мной шел надзиратель. «Выходите во двор», — прошептал он.

Из городского сада, расположенного недалеко от тюрьмы, доносились звуки духового оркестра. Я отчетливо услышал мелодию вальса «Сказки Венского леса». «Как прекрасна жизнь, а я через несколько минут погружусь в небытие», — мелькнула и погасла мысль. Спотыкаясь шагом направился налево, зная, что там находился погреб для расстрелов. Надзиратель тихо проговорил: «Направо».

Через минуту он ввел меня в кабинет начальника тюрьмы. За столом я увидел грузного с одутловатым лицом человека, одетого в черную тюремную форму.

«Присаживайтесь и прочтите телеграмму Военной коллегии Верховного суда Советского Союза», — глухо произнес он, указав на стул, стоящий перед столом, и протянул мне телеграфный бланк. Я вписал в него глазами. На нем было написано: «Приговор Военного трибунала Орловского военного округа от 17 февраля 1939 года отменен. Гражданин Буняев Василий Семенович приговорен к двадцати годам содержания в лагерьях строгого режима с последующим поражением в правах на пять лет».

«Вы должны благодарить Советскую власть. Она подарила вам жизнь», — бодрым тоном сказал начальник тюрьмы. Продолев свое оплевание, я глухо ответил: «Мне благодарить некого и незачем. Никаких преступлений не совершал. Готов был умереть сегодня. Кончили бы мои мучения, а теперь мне придется умирать ежедневно двадцать лет». «Я свой долг выполнил и проинформировал вас о решении Военной коллегии. Сколько же раз вы собираетесь умирать в лагерьях, меня не касается. Это ваше дело, — холодно произнес начальник и приказал конвоюру: — Уведите заключенного!»

(Продолжение следует).

